

рамлением чуда становится реальный физический мир с присущими ему особенностями.

Представляется, что реальные и псевдореальные элементы равнозначны с точки зрения воздействия на читателя. Это связано с особенностями функционирования «фикционального произведения», а именно с тем, что «независимо от их происхождения из реального, культурного или воображаемого миров все тематические единицы, входя в фикциональное произведение, непременно превращаются в единицы фиктивные»⁷, а значит, условные и допускающие уравнивание, и, следовательно, всё, обладающее минимальными признаками достоверности, может считаться таковым.

Ши Юйцин (*Хэнань, КНР*)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОМИЧЕСКОГО В ЦИКЛЕ В. ДРАГУНСКОГО О ДЕНИСЕ КОРАБЛЕВЕ

В.Ю. Драгунский (01.12.1913–06.05.1972) – детский писатель, обратившийся к жанру юмористического рассказа и создавший известный цикл «Денискины рассказы».

Писатель моделирует комические ситуации, отпускает шутки в адрес своих героев, высмеивает отдельные недостатки, при этом объектом комического осмеяния становятся не только герои-дети, но и взрослые. Писатель воссоздает саму атмосферу жизни маленьких персонажей, обаяние детства, процесс воспитания ребенка и его динамичное взросление. Именно поэтому комическое предстает не столько сатирическим компонентом, сколько юмористическим. Задача писателя – несколько подкорректировать отдельные недостатки героев, избавить их от частотных «болезней роста», подчеркнуть ошибки родителей и воспитателей, но и сблизить героев разных поколений.

Приемы достижения комического эффекта в сборнике «Денискины рассказы» весьма разнообразны. Среди языковых средств можно выделить синтаксические средства комического, с помощью которых писатель передает особенности детской речи и, как следствие, детской психологии, неустойчивой и эмоциональной. Так, в рассказах «Что я люблю...», «...и чего не люблю», «Что любит Мишка» главным средством комического становится создание однородных синтаксических конструкций, подкрепленных перечисли-

⁷ Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 20.

тельной интонаций; все это, соединяясь вместе, создает пеструю и причудливую картину, полную юмора.

Сходный прием использован в рассказе «Сражение у Чистой речки», где за однородными синтаксическими конструкциями стоят определенные действия, которые выстраивают конкретную цепь поступков героев. В данном рассказе яркие мизансцены вызывают комический эффект потому, что они исходят не от детей, шумящих, шалящих и помогающих экранным актерам сражаться с врагами, а от солидных серьезных взрослых – учительницы Елены Степановны, пытающейся утихомирить школьников, гражданки-зрительницы, лысого дядьки. Автору важно показать, что когда в веселую детскую кутерьму вмешиваются взрослые, то вместо того, чтобы успокоить ребят, они создают трагикомическую фарсовую ситуацию, включаясь в общую сумятицу. А герои-дети действуют целенаправленно, чтобы помочь положительным персонажам фильма победить врагов.

К синтаксическим средствам комического можно отнести и нарочитую парцелляцию. К примеру, в рассказе «Запах неба и махорочки» повествователь эмоционально передает свои ощущения от несостоявшегося полета на легкомоторном самолете. Эмоции героя слишком сильны, чтобы передать их с помощью одного предложения, ему необходимы паузы и восклицания для адекватной передачи своих переживаний.

Эмоциональной может быть и речь взрослого, которая передается с помощью парцелляции. К примеру, матери Дениса необходимо уговорить сына использовать старую игрушку – медведя – вместо боксерской груши. Для аргументации героиня использует короткие рубленые фразы, оформленные в отдельные восклицательные предложения («Друг детства»).

Таким образом, синтаксические средства создания комического эффекта –нагромождение однородных синтаксических конструкций, синтаксический параллелизм, парцелляция – необходимы для выявления особенностей поведения героев, их эмоционального состояния, создания их психологических портретов.

Достаточно распространенными средствами создания комического эффекта стали лексические. Прежде всего, можно выделить такой прием, как неправильное употребление устойчивых выражений, фразеологизмов или частотных фраз взрослых. К примеру, в рассказе «Профессор кислых щей» главный герой слышит знакомое выражение от своего отца, который устал после рабочего дня, хочет отдохнуть и от работы, и от каверзных вопросов сына. Отец с иронией называет сына профессором кислых щей, но маленький ре-

бенок, наивный и неискушенный, чувствует некоторый подвох в отцовских словах. Мама героя, выручая мужа, провоцирует дальнейшее употребление Денисом этого выражения без иронического подтекста. И когда Денис слышит слово «профессор», он автоматически подставляет вторую часть, не понимая, что ирония для настоящего профессора может стать обидной.

Большое количество примеров неверного словоупотребления можно увидеть в рассказе «Живой уголок». Во-первых, ребенок не совсем верно понимает значение выражения «живой уголок». Он воспринимает эти слова в буквальном смысле – место, где будут жить животные, а поскольку детская душа широкая, то возникает идея заполучить в живой уголок габаритных животных – зубробизона, нильского крокодила и т. д. Рыбки, которых хотела купить мама для живого уголка, стоят слишком дорого, поэтому героиня использует выражение «рыбки кусаются», значение которое трудно объяснить ребенку.

Ребенок и сам готов придумать оригинальную фразу, но она будет иной по своей природе, нежели у взрослого человека. Если взрослый использует общепринятые метафоры, то ребенок создает неологизмы на основе оригинального сравнения: «Одна нога действительно доставала самым носком до края педали, зато другая висела в воздухе, как макаронина»⁸ («Мотогонки по отвесной стене»). Рождается неологизм – «макаронная нога». Однако в этом же рассказе явлен и другой принцип создания неологизма – перевод сочетания существительного с глаголом в глагольную форму: «Я сообразил, что это Мишкин Федька наконец почайпил»⁹.

Ребенок может заимствовать из взрослой речи слова и словосочетания, несвойственные детской речи. К примеру, Аленка вместо того, чтобы сказать, что надо сделать перерыв в работе и отдохнуть, произносит слово, услышанное от взрослых, но очень емкое и лаконичное: «Я устала! Перекур!»¹⁰ («Зеленчатые леопарды»). Похожий прием использован в речи Дениски. Только если Аленка заимствует слово из пласта разговорной лексики, то Денис обращается к бюрократическому штампу: «Плохо вы снабжаете население мышками первой необходимости»¹¹ («Живой уголок»).

В этом же рассказе Денис пытается объяснить маме разницу

⁸ Драгунский В. Ю. Денискины рассказы. М., 2015. С. 36.

⁹ Там же. С. 41.

¹⁰ Там же. С. 72.

¹¹ Там же. С. 323.

между белыми и серыми мышами и использует сравнение, которые, очевидно, не раз слышал от той же мамы. Зоосемантика заменена продовольственной: « – Ну, что ты, мама, – сказал я, – какое может быть сравнение? Серые мышки – это как простые, а белые – вроде диетические, понимаешь?»¹².

К речевым средствам создания комического можно отнести и оригинальные и неожиданные сравнения. Детское сознание ребенка уникально, оно выстраивает неожиданные ассоциации, оживляет или, наоборот, овеществляет окружающий мир, который постепенно осваивается ребенком. Кроме того, ребенок со временем подходит к образному мышлению и к постепенному освоению мира. Именно поэтому для героя становится важным не только выявить какое-то явление, но и подобрать ему адекватную ассоциацию. Так, например, герой цикла понимает, что мама живо реагирует на его поведение и поступки, чувствует ее настроение и состояние и даже пытается сказать об этом. Но для того чтобы передать эмоции мамы, ребенку важно показать изменение ее состояния. Денис инстинктивно чувствует реакцию близкого человека и даже передает ее с помощью оригинального сравнения. Однако он еще не в силах уследить за мимикой мамы, всеми движениями лица, поэтому обращает внимание на глаза. Они не просто становятся выразительными и меняют цвет, но в них видна вся эмоциональная палитра, которая для Дениски сведена к оригинальному сравнению: «Тут мама посмотрела на меня, и глаза у нее стали зеленые, как крыжовник, а уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась»¹³ («Тайное становится явным»).

Прием неожиданного сравнения использован Драгунским и в случае описания Денисом карнавального костюма снежинки: «И еще было очень много белых “снежинок”. Это такой костюм, когда много белой марли, а в середине торчит какая-нибудь девочка»¹⁴ («Кот в сапогах»). Главной становится не сама девочка, а именно костюм, антураж, поскольку же девочек в таких костюмах оказывается на празднике много, то они в глазах героя превращаются в нечто определенное и овеществленное.

Ребенок из семьи интеллигентов, коим является Денис Кораблев, не может точно описать место, куда уборщица тетя Дуся складывает свой инвентарь, поэтому благодаря неожиданному сравне-

¹² Драгунский В. Ю. Денискины рассказы. М., 2015. С. 323.

¹³ Там же. С. 33.

¹⁴ Там же. С. 162.

нию подсобное помещение под лестницей в интерпретации героя превращается в кабинет: «И мы побежали к ней, а у нее свой отдельный кабинет под лестницей, там щетки стоят и ведра»¹⁵ («Ровно 25 кило»).

Лексические средства комического включают в себе разного рода оговорки и описки. Оговорки выдают не столько невнимательность героев, сколько их волнение. Так, Денис, которому поручили смотреть за собакой Чапкой, не смог дифференцировать ее от других скотч-терьеров и запер в доме вместо одной Чапки еще двух соседских собак. Волнение героя, усиленное «разбирательством» соседей, которые решили, что Денис – «похититель собак», заставляет его оговориться и переставить местами слоги двух разных слов: «И только третья собака стоит возле нас и вертикам хвостит. То есть хвостиком вертит»¹⁶ («Похититель собак»). Этот же прием оговорки использует писатель в рассказе «Главные реки». Невыученные уроки приводят к тому, что герой после плохо услышанной подсказки превращает «мужичка с ноготок» в «мужичонку с ноготком», а реку Миссисипи – в реку «Миси-писи»¹⁷ («Главные реки»).

Одним из приемов создания комического в произведениях В. Драгунского можно назвать оксюморон. Детская речь, отражающая мышление ребенка, порой оказывается парадоксальной, а одним из способов проявления парадоксальности мышления становится оксюморонность речи ребенка. Оксюморон встречается тогда, когда Мишка Слонов активно перечисляет то, что он любит. Предлагая «продовольственный перечень» объектов «любви» (торт, пирожные, пряники и т.д), Мишка с трудом вспоминает тех, кого он любит. « – Ой, – сказал он смущенно, – чуть не забыл! Еще – котят! И бабушку!»¹⁸ («Что любит Мишка»).

Похожее оксюморонное сочетание явлено писателем в рассказе «Мотогонки по отвесной стене». Ловкость Дениски при катании на велосипеде достойна всяческой похвалы, поэтому писатель, апеллируя к детскому типу мышления, говорит не только о звании – «чемпион мира», а расширяет и придает большую солидность и без того высшему титулу, вкладывая в уста детей особое выражение – «чемпион мира и его окрестностей»¹⁹.

¹⁵ Драгунский В. Ю. Денискины рассказы. М., 2015. С. 256.

¹⁶ Там же. С. 275.

¹⁷ Там же. С. 380.

¹⁸ Там же. С. 436.

¹⁹ Там же. С. 34.

Кроме синтаксических и лексических средств, фонетические средства тоже занимают видное место в создании комического эффекта. Например, в рассказе «Заколдованная буква» воспроизведен полилог троих детей, которые обсуждают растущие на елке шишки. Но у них всех одинаковая проблема – передние молочные зубы выпали, и они не смогут правильно произнести это слово. Комизм заключается в неправильной аргументации: каждый герой слышит ошибки других, но не замечает своих. Выпавший зуб может быть причиной дефекта речи, но в данном случае не является причиной неверного произнесения буквы.

Итак, языковые средства комического, используемые Драгунским, очень разнообразны. Комический эффект может проявляться на лексическом, синтаксическом и фонетическом уровнях. Используются такие разнообразные средства и приемы, как комическое несоответствие, перечисление, парцелляция, неожиданное сравнение, неверное словоупотребление, оговорки и описки, оксюморон, неправильное произношение слова. Автор воссоздал весьма интересный и яркий мир детства.

О.М. Кириллина (*Москва*)

**«МУЛЬТИКИ» М.Ю. ЕЛИЗАРОВА
КАК СОВРЕМЕННЫЙ РОМАН ВОСПИТАНИЯ:
ПОПЫТКА ВОСКРЕШЕНИЯ ОТЦА**

В романе М.Ю. Елизарова «Мульттики» (2010) взросление главного героя происходит в эпоху перестройки: страна рвется к свободе, а юноша освобождается от «внутреннего телесного зажима»¹. «Мульттики» можно условно поделить на три части. В первой подросток Герман резко отделяется от родителей-интеллигентов, становится одним из тех, из кого ковались кадры для ОПГ. В стиле «чернухи» 90-х обрисовывается ситуация духовной безотцовщины, история оступившегося юноши. Вторая часть – пародия на советский роман воспитания. В соответствии с жанром важная роль придается образу наставника. В детской комнате милиции Герман попадает в руки Разумовского, в прошлом маньяка, которого успешно «перековали», и теперь он сам перевоспитывает оступившихся недорослей. Результат перековки – внутренний надлом в Германе. В конце романа происходит реабилитация героя с помощью психиатра

¹ Елизаров М.Ю. Мульттики. М., 2010. С. 16.